Артём Алексеев

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

16+

Артём Алексеев

Поговори со мной

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Алексеев А. С.

Поговори со мной / А. С. Алексеев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мы слишком торопимся жить. Несемся на безумной скорости в вечно ускользающее светлое "завтра", не замечания вокруг никого и ничего. Стираем свои личности под натиском ложных норм, становясь до неприличия однотипными. Прячем глубоко внутри хрупкие чувства, боясь показаться слабыми. Может быть, пришло время остановиться и поговорить? С самим собой. Стряхнуть пыль с заброшенной в темный угол души. Вспомнить, каково это быть Человеком. Сборник новелл "Поговори со мной" – это истории о нас, о приевшейся и затертой до дыр повседневности, о мгновениях счастья и бесконечности горя. Но прежде всего, это истории обо мне.

© Алексеев А. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

О нас 5
-1- 5
-2- 6
-3- 7
-4- 8
-5- 9
-6- 10
-7- 11
-8- 12
-9- 13
-10- 14
-11- 15
-12- 16
-13- 17
-14- 18
-15- 19
-16- 20
-17- 21
-18- 22
-19- 23
-20- 24
-21- 25
-22- 26
-23- 27
-24- 28
-25- 29
-26- 30
-27- 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

О нас

-1-

Слова практически всегда хромают. Большинство обычно не к месту. Покалеченные, несчастные. Переставляешь их местами до умопомрачения, безжалостно удаляешь, снова что-то ищешь. Сразу редко удается подобрать нужную комбинацию. Но она ведь есть! Всегда есть. Можно, конечно, быть прямолинейным, жестким. Бить в незащищенный висок с силой боксера. Чтобы земля ушла из-под ног и картинка перед глазами померкла. Или же стать грубым. Сейчас это уместно. И модно, увы! Сказал слово, и законченная мысль прошелестела в голове черным вороном. Ясно же всё! Только вот, мне кажется, не достучаться до человека таким образом. Возможно, он поймет послание, скорее всего, сделает выводы, сложит из них потом бумажный самолетик и запустит его по ветру на свободу. Мысли ведь должны жить на воле!..

Помните, как было раньше? На серых страницах книг между строк играла музыка. Она кружила в танце, захватывала и уводила в неведомые миры. Мы мечтали, верили, влюблялись. В героев, места, поступки. Весь мир вокруг светился непередаваемыми красками, потому что слова, красивые и воздушные, проникали прямо в душу, будоражили сознание, вызывали мурашки, которые спускались от затылка к кончикам пальцев ног. Сейчас же всё упростили! Упразднили! Продали!

Так хочется, чтобы текст жил! Дышал полной грудью. Расцветал с каждым прочтением. Лишь бы не стал простыми закорючками черного цвета на светлом фоне. Гвоздями, которые размеренно вбивают в гроб современной литературы. Чтобы потом и вовсе задохнулся под тяжестью успешных коммерческих проектов, созданных по модным шаблонам. Чрезмерно прямолинейных, грубых и пустых.

Читайте живые книги и не бойтесь мечтать! А я буду стараться, чтобы мои строчки пахли весной и прорастали в ваших сердцах светлыми мыслями.

-2-

Помните, Маркес писал, чтобы, несмотря ни на что, мы улыбались. Вдруг кто-то посмеет влюбиться в изящно поднятые вверх уголки губ – такую, знаете ли, легкую форму кокетства. Или у глаз морщинки, которые расходятся в разные стороны смешной паутиной, вызовут чувство доверия. Ведь в каком-нибудь безымянном городе, в безжалостно липкой пробке, устроенной на перекрестке дорог, могут столкнуться случайными взглядами два незнакомца. И жизнь их изменится. В корне!..

Она всегда занята. Даже когда свободна. Парадокс объяснялся просто: не было вокруг никого достойного. Целыми днями работа, всегда с улыбкой, в легком платье, не скрывающем стройные ноги. Очаровательна и беззащитна. Но только с виду. Умела бить метким словом, смотреть прямо в глаза, обжигая холодом. Уходить, не прощаясь. И не прощая. Такая вот стерва.

Он постоянно в себе. Много молчал, окунался вечером в книги. Подолгу гулял по бесконечным проспектам, накинув капюшон на голову, чтобы не встречаться глазами с прохожими. Слушал грустную музыку, писал на бумаге стихи, громко и с выражением читая их потом коту. Часто смущался, терял дар речи, если к нему вдруг обращались в толпе незнакомые девушки. Не молод, совсем не богат. Такой вот тюфяк.

В тот день явно что-то пошло не так. Она зачем-то пожала плечами, «мол, пробка». И улыбнулась. Он, не зная, как ей ответить, протянул бутылку холодной воды: «Жарко». Голос отчего-то звучал удивительно ровно. Ей же понравился тембр. И взгляд. Она сама предложила пойти выпить кофе.

Они не похожи совсем. Абсолютно чужие! С разными мыслями, образом жизни. Быть может, даже встречались. Но чего-то им не хватило, чтобы заметить друг друга раньше. Времени? Ничтожного шанса? Точки соприкосновения? Или всего сразу?

Легко сделать вывод по первому взгляду, слову, движению. Легко оказаться неправым. Легко тем самым обидеть. Легко потерять. Легко стать несчастным. Все очень легко, если быстро. Но любой человек как айсберг: скрывает кучу секретов. Под толщей воды, на первый взгляд, мутной и грязной, может скрываться мир, о котором даже подумать страшно. Ни на что не похожий, загадочный, но удивительно близкий. Родной.

-3-

Жизнь – череда перекрестков. Без опознавательных знаков, указания направлений. Каждый раз – выбор, свой собственный, окутанный липким страхом. Что если не туда? И как сделать первый шаг? Задержать дыхание, закрыть глаза. Вперед! Так по кирпичику решений появляется дорога. Можно забрести в темный переулок, полный подозрительных шорохов, от которых по телу побегут мурашки. Или вдруг оказаться на широком проспекте, залитом солнцем, подставить ему лицо и зажмуриться от удовольствия.

Есть и люди. Они кругом. Стена безликих серых лиц с потускневшими глазами. Лямки багажа из прошлого, что висит неподъемным грузом за спиной, давят на плечи, клонят к земле, вытесняя из головы любые мысли. Утолить жажду да отдохнуть. Ничего лишнего.

Но так неправильно! Хочется заразиться. Оптимизмом. Счастьем. Любовью. Чем-то одним, чтобы потом непременно всем сразу. Случайно, неожиданно, вдруг. Просто остановиться в ответ на поднятую руку, чтобы подвезти. Или столкнуться в метро, чтоб полетели в разные стороны вещи, а в воздух – ругань. И еще этот злобный взгляд, прожигающий насквозь. Отшатнуться, отойти сначала, извиниться и помочь спустя мгновение. Вот знакомая книжка, зачитанная до дыр, изученная вдоль и поперек, но с пометками, сделанными чужой рукой. Да и походная кружка, подаренная на день рождения, помечена неизвестными инициалами на ручке. Я бы поднял глаза, чтобы увидеть свое отражение. Короткий взгляд, яркая вспышка эмоций, последовавшая после химической реакции чувств…

И снова перекрестки, незнакомые улочки, ночь, сменяющая день. Только теперь рюкзак один на двоих, и дорога. Одна. Потому что по-другому никак.

-4-

Девушка вдруг подняла на него глаза.

– Какой? – решила переспросить, потому что из всего сказанного не поняла ни слова.

– Творческий. Если совсем коротко.

– А…

Она снова наклонилась к своему стакану с коктейлем, ухватила губами соломинку и шумно втянула оставшуюся на самом дне молочную пенку.

«Творческий…» Внутри все перевернулось, что-то даже разбилось. Кажется, это было то самое желание узнать человека поближе. Очередной, впустую потраченный вечер. Сказанное с придыханием слово было ей хорошо знакомо. Им часто прикрывались творцы своей, никому не понятной жизни. Помятые, сытые идеями покорить в один прекрасный момент мир, находящиеся в бесконечном поиске себя.

– Я пишу, – решил прервать затянувшуюся паузу парень.

– Картины? Эссе? Слова на заборах?

– Слова еще не пробовал, – улыбнулся он.

– А ты попробуй. Говорят, хорошим писателям выделяют грант на пятнадцать суток.

Она вспомнила своего друга-художника, тоже творческого, до кончика кисточки за ухом. Дверь в его квартиру никогда не закрывалась, все время приходили какие-то люди, много курили, разговаривали на отвлеченные темы, иногда покупали картины. За копейки. Столько стоило его умение. Зато раздутое до неприличия самомнение привлекало женщин. Много женщин.

– Что-то не так? – он увидел, как девушка презрительно скривилась.

– Все хорошо. Будет. У тебя. У меня. По отдельности.

Она убежала, будто спасалась от чего-то ужасного. Стереотипов, опыта? От него самого.

***

Раньше я немного стеснялся этого качества. Прятал его глубоко внутри, считая недостойным мужчины. Ведь первостепенно что? Сила во всех ее проявлениях, без романтического напыления. Но гармонично развивающаяся личность не может быть все время зажата в стальных тисках. Она требует свободы, жаждет обрести голос, потому что иногда все самые сильные чувства и эмоции можно провести в наш мир только через творчество. Тексты, картины, музыку.

-5-

А помнишь…

Голос из прошлого. Едва различимый шепот. Прямо над ухом. И с первой волной мурашек по коже в памяти что-то просыпается. Размытые временем фрагменты былого.

Тогда мы были детьми, и мир выглядел иначе. Казался изящно наивным, прекрасно встроенным в неокрепшую психику ребенка. Каждый верил в нерушимость принесенных клятв, безграничную дружбу и всепоглощающую любовь. Мы обманывали, лгали, предавали, но делали это неумело, бесхитростно и вроде бы даже случайно. Все прощалось, стоило только скрестить мизинцы и громко засмеяться.

Теперь я смотрю на уже взрослые лица, пытаясь найти в потухших глазах молодость. Свою, их… Кто вы, люди? Зачем здесь собрались? Где были последние шестнадцать лет? Мне не интересно настоящее, в котором вы оказались без меня. Безумные взлеты по карьерной лестнице, бесконечная вереница стран с вкусными завтраками и деловыми ужинами, счастливые или уже развалившиеся семьи. Все это мне не знакомо. Чужое. Не моё!

Зато я начинаю вспоминать, как между обещаниями вдруг выросли тысячи километров. Как остывали слова в уменьшающихся с катастрофической скоростью письмах. Как быстро оборвалась беседа двух лучших друзей после долгой разлуки. Наши дороги давно разошлись. Так бывает…

Я останавливаюсь на светофоре. В руке телефон, периодически вздрагивающий от голосов прошлого. Смотрю на экран, быстро набираю сообщение и отправляю: «Вам жаль, что я не приеду, а мне совсем нет». Впрочем, это всего лишь слова. И тогда, и сейчас. За долгие годы мы все научились, улыбаясь, ненавидеть и забыли, как можно искренне радоваться за других. Нужно меняться. Но, наверное, не здесь и не в данный момент, ведь каждый должен получить минуту славы. Особенно в глазах бывших друзей.

-6-

Как давно вы писали письма? Не электронные, лишенные эмоций, а бумажные? Те самые, настоящие? Когда в последний раз садились за письменный стол, брали шариковую ручку, тонкую тетрадку в клетку? На мгновение задумывались, быть может, грызли пластмассовый колпачок на конце, потом заносили руку над чистым листом и начинали свой рассказ убористым аккуратным почерком? Помните?

Лет семь-восемь, а то и десять назад, выгребая старый хлам из багажника машины перед продажей, я обнаружил толстый конверт с письмами времен службы в армии. Долго смотрел на грязный, пропитанный машинным маслом сверток, вспоминая, что там. Целая куча историй. Родных и не очень. Честных, искренних и тошнотворно лживых. Одни заставляли сердце биться чаще, от других веяло холодом и расставанием. Помню, как все мы ждали весточки с другой стороны высокого забора, опутанного колючей проволокой. Помню, как загорались глаза при виде почтальона и заветного мешка из грубой ткани. Помню, как кто-то танцевал, кто-то пел, а кто-то и просто так получал письма, если не было настроения участвовать в маленьком шоу. Помню и то, как поначалу, казалось бы, нескончаемый поток сообщений со временем стал уменьшаться, пока не прекратился вовсе. Почтальон приносил лишь газеты, и мы с поникшими головами разбредались в разные стороны…

Истории, не знакомые мне теперь, были в моих руках. Чьи они, кто их рассказывал, что значат для меня? Ровным счетом ничего. Это всего лишь испачканные чернилами листы бумаги. Чернилами и машинным маслом. Зачем я сохранил их? Я не знал. Мне оставалось сделать только одно – сжечь.

И я сжег. Сжег целую эпоху. А потом растоптал и втер ещё горячий пепел тяжелым ботинком в асфальт… Прогресс ушел далеко вперед и утащил нас за собой. И не важно, что в этой безумной гонке мы растеряли себя. Растеряли всю человечность. Тогда мы творили волшебство, в каждое слово вкладывали немного себя, частицу своей души. Строчки могли бежать галопом или плестись уставшей кобылой, быть стройными или расхлябанными. Они становились живыми, могли говорить с теми, кому предназначались… Могли, когда-то в прошлом.

Но в новом цифровом мире нет места романтике. Все упрощено и сокращено. Короткие сообщения, быстрые свидания, непродолжительные отношения. Только вперед, на бешеной скорости в светлое будущее, не замечая никого и ничего.

Я давно не писал. Не рассказывал историй. Не создавал миры. Но я чувствую острую необходимость в этом. Пускай мои письма пока такие, пусть будут короткими и бессвязными, но я надеюсь, что они задышат и заживут своей жизнью. Верю, что мир не погрузится в пучину невежества и настоящие книги не умрут, как не умрут письма и разговоры друг с другом. Не через экраны монитора, а с глазу на глаз. В полумраке, едва различимым шепотом.

Слова имеют магию и обретают жизнь, только если написаны рукой. Так было в прошлой жизни. Мы не можем остановить прогресс, но в наших силах взять лучшее и сохранить это в себе. Для себя.

-7-

Страшно. А знаешь почему? Потому что всем плевать! И на тебя тоже.

В окно постучали. Громко. Нетерпеливо. Потом схватились за ручку и попытались открыть дверь. Ты вздрогнул от столь неожиданного появления двух бомжей, а потому возмутился такому наглому вторжению в твое личное пространство и потерял дар речи. Первая мысль: «Сейчас будут просить денег». И они попросили. Но не денег. Та, что была трезвее, шепелявя, хотела вызвать скорую. В ответ ты лишь смог промычать. Только спустя мгновение способность говорить вернулась к тебе, и ты смог объяснить, что телефона с собой нет. Две женщины побежали дальше.

Ты растерялся, конечно же. Стереотипы. Чего еще можно было ожидать в подобной ситуации?

Было слышно, как они обращались к прохожим. К одному, второму, третьему. Голоса удалялись, а проблема не решалась. Где-то (совсем рядом или уже прилично далеко) кому-то стало плохо. Но оказались рядом только эти женщины, наверняка спрятавшиеся под балконом одного из домов и пережидающие проливной дождь, заливая внутрь себя дешевое спиртное. И этот «кто-то» стал заложником ситуации, где единственно возможная помощь могла прийти только от людей, которых никто не замечает.

Время шло. И, возможно, чья-то жизнь укорачивалась на минуты, заполненные отвращением, брезгливостью, безразличием, недоверием. Всем тем хламом, который мы храним в себе как наивысшие ценности.

Ты не помог. И ведь дело даже не только в отсутствии телефона. Его спокойно могла заменить поездка до больницы. Проблема в нас, людях, в нашем отношении. И не важно, человек это, животное или природа. Мы слишком заняты собой, чтобы замечать кого-либо вокруг. Мы считаем себя венцом творения, хотя на деле не более чем обыкновенное дурно пахнущее последствие пищеварительного процесса. Не все, не всегда и не везде. Но такое случается. А в последнее время все чаще и чаще. Чем хуже жизнь, тем больше масок срывает ветер перемен.

Ты просто задумайся: минута – для тебя, а для кого-то – целая жизнь.

-8-

Я никогда не оценивал людей. Целенаправленно. Обычно мимолетно, по какой-то конкретной ситуации. Тем более не составлял многослойные образы. Наверное, это неплохой навык, надо бы его развивать, меньше шишек будет. Но, видимо, я весьма легкомыслен в данном вопросе. Верю на слово, в людей и светлое будущее. Хотя всё из перечисленного непостоянно, как показывает практика.

Пытаясь сформировать в своей голове некий образ мужчины, я бесконечное количество раз путаю понятия «настоящий» и «идеальный». Думаю, говорить об идеале в принципе бессмысленно, так как, во-первых, скорее всего таких людей не существует, а во-вторых, как бы мы ни рисовали в воображении своих избранников, они могут оказаться их абсолютными противоположностями, в миллион раз прекраснее. Поэтому остановимся на первом варианте. Опять же, сразу оговорюсь, образ собирательный, результат моих наблюдений и размышлений.

Мужчина – это супергерой. Напуганную кошечку с дерева снимет, медлительную бабушку через дорогу переведет, вкусный борщ сварит, неугомонных детей спать уложит, безудержным сексом измотает, перед сном сладко в макушку поцелует, а под подушку в качестве сюрприза билеты в театр спрячет. Наверное, система воспитания в Советском Союзе была правильной. Растили с малых лет Человека. Приучали к хорошему, отвергая плохое. Поступок (именно как Поступок!) не считался чем-то сверхъестественным. И свою роль мужчины выполняли с удовольствием, справляясь со всеми невзгодами, в одиночку или сообща. Сейчас чаще всего можно наблюдать обратную картину: женщины-кошки наказывают охамевшее зло, управляют неуправляемыми трамваями, обеспечивают будущее детей и умудряются при этом оставаться женственными и привлекательными.

Мужчина – это система ценностей. Образ жизни, я бы сказал. Помню, в школе нас всегда спрашивали, кем мы хотим быть. Космонавтами, врачами, спортсменами мечтали стать, но не было ни одного мальчика, который сказал бы, что будет джентльменом. Думаю, такой ответ многих бы рассмешил. И тогда, и, тем более, сейчас. Ведь так модно быть дерзким, циничным, беспринципным! Хотя по большому счету это не более чем рекламный образ, неправильно интегрированный в наш менталитет. Русский Иван всегда был добрым и отзывчивым. А еще сильным, настоящим богатырем. С широченной спиной и могучими руками.

Мужчина – это сила. Нерушимая, несгибаемая, неостанавливаемая. И речь сейчас вовсе не о физической мощи. Мышцы можно нарастить тренировками, а внутренний стержень формируется в детстве и закаляется потом всю жизнь. Уважение к людям вокруг, будь то девушка, старик или больной, – признак силы, мужчина никогда не будет самоутверждаться за счет слабого. Выбор одной единственной женщины – признак силы, мужчина знает, чего хочет, и не ищет доступное. Честность с окружающими и самим собой – признак силы, мужчина уверен в выбранном пути и своих идеалах, о которых не стыдно рассказать. Даже нежность – тоже признак силы, только настоящий мужчина может позволить себе расслабиться и показать душу, впустив в себя.

Мужчина – это его женщина… Пожалуй, последним тезисом я и закончу свою мысль. Дорогие девушки, вы – ключ ко всем ответам! Станьте для своего спутника опорой, и в одно прекрасное утро обнаружите, что рядом с вами – настоящий мужчина, о котором так мечтали!

-9-

– Талантливый… – он едва заметно улыбнулся, неловко, неумело, отведя в сторону взгляд, в котором она уловила промелькнувшую тень грусти. Задумался, тихо вздохнул: – Нет, ты ошибаешься. Талант – это умение из обычного топора, отданного времени на растерзание, сварить душистый суп, достойный мишленовской звезды. Когда ты из миллиона слов можешь сложить такую комбинацию, которая станет универсальной отмычкой для любой души. Кто я такой, чтобы рассуждать о высоком? Простой сапожник, знающий толк лишь в изношенной от долгой дороги подошве. Мое дело поменять набойку, зашить задник. Почистить и натереть обувь воском так, чтобы можно было ослепнуть на солнце. В этом нет ничего особенного.

– Но ведь к вам приходят не только за этим! Вы даете людям надежду.

– Неужели? – удивился он. – Что делают с любимыми сапогами, которые неудачно порвали? Несут сразу в ремонт, слезно умоляют поставить заплатку, зашить. Да всё, что потребуется, лишь бы вернуть жизнь. И вот обувь как новая. Разве что выдают изломы от времени. Что теперь? Сначала люди аккуратны, терпимы, но после, забыв обо всем, пускаются снова по лужам, валяют в грязи, чистят раз в месяц. Безжалостны, как и прежде. Пока не убьют сапоги совсем. И зачем мне тогда тратить время на бессмысленную работу? Обувь не всегда и не только бездушный кусок кожи, перетянутый шнурком, прошитый, проклеенный, принявший идеально форму ноги. Это образ жизни, мышления, зеркало нашей души. Сразу видно, какой человек внутри.

– Получается, вы не беретесь за обувь, которая сильно изношена, нелепо порвана? Но ведь это ваша работа! Вам платят за нее!

– Ты путаешь благородную старость с безрассудством молодости. Первая требует уважения и трепетного отношения, второе – хорошей взбучки. Но какой бы случай ни был, вернуть жизнь туда, где ей больше не место, я не могу. Увы, не волшебник. Пойми, люди приходят со своей болью и ждут от меня совета. А я говорю, как есть: о ржавых гвоздиках и прогнивших нитках в подошве, о сломанных, лопнувших, неравномерно стертых каблуках, о тошнотворном запахе. Я ничего не даю, лишь возвращаю отремонтированную обувь. Талантлив как раз тот, кто не приходит вновь…

-10-

Ты никогда особо не верила в любовь. Это в книжках встречают сказочных принцев и живут потом счастливо тысячу лет. Но реальность совсем не похожа на приторно-сладкие сказки. Она предательски сурова и в последнее время стала такой предсказуемой. До бесцеремонного взгляда, брошенного при встрече, откровенных фраз, произнесенных дрожащим голосом. До тошнотворно-одинаковых обещаний и омерзительно холодных объятий. До одинокой точки в последнем сообщении посреди ночи.

Прожитые годы душили примерами правильной жизни. Казалось, каждый прохожий мечтал надеть на тебя кандалы собственного счастья, запереть в клетке, сплетенной из его несбывшихся мечт. Навязать, придавить, раздавить тянущимся с самого детства ворохом нерешенных проблем, которым было не место в твоей жизни. Зачем повторять кем-то пройденный путь, когда есть свой, полный смысла и солнца!

Тебя всегда окружали мужчины. Одни сорили деньгами, чтобы добраться до хрупкого тела, другие не жалели слов, пытаясь найти дорогу к душе. А ты, улыбаясь, говорила всем «Нет!». Странная, чокнутая, взбалмошная. «Ага! Стерва!», – добавляла, смеясь. И дело даже не в пачке купюр на столе, оставленной утром для трат. Не в звоне ключей каждый вечер за дверью. И страсть к алкоголю можно простить. Ты, как могла, объясняла, но слушать никто не хотел. Проще быть верной себе, оставшись одной. Без компромиссов, жалости, слез. Чтобы не видеть под ногами перьев от срезанных за спиной крыльев, которые так и не дали расправить.

Все изменилось. Тоже бывает. Сначала ты украдкой наблюдала, набрав полные легкие воздуха, чтоб не дышать подольше и не спугнуть. Так под прозрачным куполом появился первый росток. Ты говорила с ним шепотом, неуверенно, придирчиво, с вызовом. А он рос, несмотря ни на что, превращаясь в прекрасный цветок.

Ты никогда особо не верила в любовь. Но с самого детства знала, что встретишь его. Того самого принца, чей образ будешь хранить и не позволишь внести даже мелкие правки. Ведь ты так упряма…

-11-

Прощания всегда пахли осенью. Не золотой, раскрашенной всевозможными цветами в солнечный день, когда каждое мгновение еще наполнено летним теплом. А той, с осточертевшим дождем, не прекращающимся ни на минуту, сбивающим с деревьев последние листья, которые заполняют все пространство вокруг, чавкают под ногами и медленно гниют.

Опустевший перрон. Затихающий в ушах перестук колес. Удаляющийся силуэт поезда, отнявший что-то важное. Дорогое…

Я никогда не умел прощаться. Уходил в свой собственный мир, погружался на самое дно, отгораживаясь от окружающей толщи воды. Пытался скрыть раздражение, за которым прятался страх. Бессилие, безысходность. Ведь в скором времени разверзнется пропасть, и та нить, соединяющая двух людей, в момент натянется струной. И какова вероятность, что со временем она не оборвется вовсе?

Но, знаете, всё может быть иначе. С возрастом, опытом. Дождливая осень сменяется меланхоличным межсезоньем. Перрон по-прежнему пуст, а взгляд, как и раньше, направлен за линию горизонта. Руки в карманах, в ушах наушники от плеера, в котором играет любимая музыка. Поезд унес что-то ценное. Не более того…

Я больше не переживаю, не выкручиваю руки, не просиживаю на диване, уставившись в одну точку. Прощания стали похожи на старые, заношенные вещи, которые с годами сильно протерлись и порвались. Просто порвались. Без какого-либо тайного смысла. Теперь стало проще нести чемодан, который помог собрать, за час до расставания; пить не спеша чашку горячего кофе, твердо держа ее в руке, за пять минут до намеченного времени; говорить простое «Пока…», подразумевая все оттенки данного слова, всю цветовую палитру, от жизнерадостного желтого «Скоро спишемся» до отвратительно-мрачного, черного «Не звони никогда!», за мгновение до… Стало легче смотреть в глаза и улыбаться.

Люди уходят. На время или навсегда. И причин для этого миллион. Но если главная из них – я, тогда это самое верное решение из всех. Потому что никакие обещания, никакие слова не сломают окостеневший за долгие годы скелет, не превратят на мгновение в пластилин, чтобы сгладить острые углы.

Прощания все еще пахнут осенью. И звучат голосом Sade, под который я закрываю глаза и думаю о будущем…

-12-

Мне всегда казалось, что армия насквозь пропитана романтикой. Только представь: перед тобой бескрайнее северное море, в котором дрейфуют льдины, чайки кружат над водой, время от времени ныряя за рыбой, ветер мощными порывами бьет в грудь, проверяя на крепость, а ты стоишь неподвижно на палубе огромного авианосца и смотришь, как взлетают самолеты. Почему-то, поступив на военно-морской факультет в училище, я думал, что моя жизнь именно так и сложится.

Но настоящая жизнь другая. Она далека от совершенства, от тех придуманных красивых картин, которые в детстве вечерами рисовал в голове. Не без определенного шарма, конечно, но с неким извращенным подтекстом. Будто бы художник, взявшийся писать портрет прекрасного юноши, сидевшего напротив, увидел в глазах пустоту и показал ее сквозь изъеденную язвами тонкую кожу. Безразличный к искусству случайный зритель, мельком взглянувший на работу, мог бы подумать, что на щеках молодого человека следы сажи, оставленные после чистки камина. Только при близком рассмотрении замысел творца обретал четкие линии, будоражил сознание, откровенно пугал…

С первых минут я погрузился во тьму. В непроглядный мрак, полный острых предметов вокруг. Каждый шаг сопровождался ударом, оставлявшим на коже ссадину. Каждый вдох был пропитан страхом, липким пОтом покрывшим тело. Каждый стук сердца гремел в тишине, выдавая в тебе человека. Выживали только слепые, впустившие в себя пустоту, принявшие ее.

Армия далека от романтики. Ощетинившаяся штык-ножами, с автоматом наперевес, обутая в тяжелые кирзовые сапоги, она издевалась, извращалась, ломала хрупкие души. Перешагивала, шла дальше, оставляя за спиной безвозвратно потерянные судьбы.

Моя мечта не сбылась. Я так и не вышел на корабле в море, не оказался лицом к лицу с необузданной стихией, внезапно обрушившейся ночью штормом, не видел простиравшуюся до самого горизонта зеркальную поверхность воды, в которой тонули облака. Зато мне удалось, надеюсь, сохранить частичку себя, спрятав однажды у самого сердца. Остался человеком, свободным от предрассудков, лишенным животной злости, способным слушать и слышать других. И я не один. Нас таких много, сумевших сохранить романтику даже в таких условиях.

-13-

За окном кромешная темнота. Не видно ни зги, как сказали бы местные жители, если бы были рядом. Но их нет. Никого. Последний дом, в окне которого теплился одинокий огонек от свечи, остался в нескольких километрах позади. Вокруг теперь лишь бескрайние поля, занесенные до самого горизонта глубоким снегом, и покосившиеся от времени и забвения деревянные лачуги, с разбитыми окнами, выпотрошенным нутром.

На всем пути по этой белой бесконечности разбросаны остановки, от которых в разные стороны расходятся протоптанные тропинки. При свете дня таинство ночи растворяется, в загадочности бытия проступают простые закономерности. Даже здесь, в этой глуши, есть жизнь. Где-то вдали, над верхушками деревьев, вьется едва заметный серый дым.

Там ведь люди. Из плоти и крови. Как мы. Но кажется, что между нами миллионы световых лет и не одна цивилизация.

Когда-то очень давно, передвигаясь из одного закрытого гарнизона в другой, я наблюдал, словно под микроскопом, как расщепляются на миллион потерянные мечты. Как гаснет свет в глазах, с шипением, словно зажженный фитиль той самой последней свечи у окна от прикосновения мокрых пальцев. Как наступает ночь, глубокая, ядовито-черная, выжигающая душу до основания. И все потому, что вокруг – вечная мерзлота и лысые сопки.

Я вспоминаю бледность затопленных безнадежностью взглядов прохожих в те минуты, когда хочется упасть на колени, зарыться лицом в землю, втянуть носом сухость обреченности. У них не было выбора. Не было же, ведь так? Только граненый стакан и растекающееся по раскрасневшимся щекам горькими слезами несостоявшееся будущее. Но у меня все иначе! Совсем другая жизнь в ином месте с кучей возможностей. Но не вру ли себе? Что было бы, окажись я там? Смог бы преодолеть силу местного притяжения?

И знаете что? У меня бы все получилось. Ведь любой может стать кем угодно, нужно лишь быть сильным в определенный момент. В момент решений, тех самых толчков, которые ведут нас к далекому горизонту…

Каждый раз, проезжая мимо заброшенных деревень, хочу верить, что жители покинули свои дома в поисках нереализованных возможностей, а не просто дожили век на одном месте, не предприняв попыток что-либо изменить.

-14-

Телефон вибрировал, навязчиво-ненавистной дрелью прорываясь в сонное сознание. И вот свет снова обжег глаза, вспыхнув острой болью от случайного нажатия на кнопку выключателя настольной лампы. Источник ненавистного звука лежал рядом, издеваясь своей покорностью. На другом конце невидимого провода положили трубку, не дождавшись ответа. Звонила ОНА.

Ее одолевали сомнения, как поступить. День, сотканный из порванных нервов, вымоченных в крепком кофе, подходил к концу. С той же скоростью, с какой темнота наваливалась на уставший город, росли пробки, ничего хорошего не предвещая. Тело раздирала усталость, голову – мысли. Душа требовала покоя и тишины. Но только рядом с ним.

Он увидел сообщение о вине и улыбнулся. Тут же набрал ее и спустя несколько длинных гудков услышал плач. А в ответ – «Скоро буду!»

Жизнь полна сюрпризов и не всегда приятных. Она часто нас бьет по рукам длинной палкой, не боясь причинить боль и разбить пальцы в кровь. Мы, конечно же, злимся, ругаемся, прячем в сердце обиду, обещая поквитаться. Но, в конечном счёте, все равно признаем ценность урока, хоть и преподали его нам так не вовремя.

В центре перекрёстка стояла искореженная машина. Из салона шёл дым от сработавших подушек безопасности. Она стояла недалеко от места аварии, собирая в голове картину случившегося, рассыпавшуюся на тысячу мелких кусочков от внезапного удара.

Всего лишь мгновение. Какая-то жалкая песчинка времени. Вот чем измерялась в тот момент человеческая жизнь! Секундой меньше – две судьбы стали бы непересекающимися прямыми, секундой больше – биение сердец навсегда бы остановилось на том перекрёстке.

Каждое мгновение жизни неповторимое и такое хрупкое! Давайте ценить его, даже если оно чужое!

-15-

Ты смотришь на меня с ухмылкой, время от времени ловко перемещая зубочистку из правого уголка губ в левый. Один глаз чуть прищурен, вздернута кверху бровь. Руки сложены в замок на груди. Твоя поза вызывающа, даже агрессивна. Кажется, будто в следующий момент резко дернешься в мою сторону и ударишь в живот коротким, хлестким ударом, после чего громко рассмеешься, смачно сплюнешь под ноги и разразишься отборной уличной руганью. Я жду этого, сжавшись, словно пружина. Но ты чиркаешь о коробок спичкой и прикуриваешь вытащенную из-за уха сигарету. Облако едкого дыма летит мне в лицо, вызывая лишь кашель и отвращение.

Я смотрю сейчас на тебя, того прежнего, дворового сорванца, через собственное отражение в зеркале. Помнишь, как это было? Шапка на макушке, руки в карманах, размашистая походка. Мы жевали целыми днями жвачку и ругались изощренно матом, играя в карты на лестничных площадках многоэтажек под звуки гитары и звон бутылок пива. Били стекла в школе поздними вечерами, подбрасывали под ноги уставших прохожих петарды, разрисовывали баллончиками с краской стены домов. Мы ставили себя выше других. Выше общественных норм, кем-то придуманных правил, личных убеждений. Мы были крутыми. КРУ-ТЫ-МИ!

Только все оказалось мыльными пузырями. Бах! И нос укололи холодные брызги разочарования. Ложные идеалы растоптаны снисходительной мудростью, прожитыми годами. Все ориентиры теперь напрочь сбиты.

Но можно же быть другим, веришь? Не снобом, но с изюминкой во взгляде. С той бездной, в которой тонут собеседники, когда ты начинаешь говорить. Нарочито небрежно, но правильно, красиво. Или решать проблемы без склок, рукоприкладства, ненужного насилия. СлабО? А ты попробуй. Договорись, переубеди, заставь поверить. Вот это круто! Без обид. Но не потакание слабостям превозносит тебя, а долгая и тяжелая работа над самим собой, порою через боль, пот, слезы бессилия.

А знаешь, чего в нас тогда не было и, возможно, до сих пор нет? Ответственности. За сказанные слова, любые, даже самые нелепые, в порыве чувств. За поступки, включая необдуманные, шальные, словно пули. За выбор. Ведь каждый шаг – это океан возможностей и соблазнов. Вот что делает человека по-настоящему крутым!

-16-

Интересно, что у тебя за окном? Через дорогу деревянные домики, между ними зеленый газон, идеально подстриженный, за невысоким белым забором стоит тошнотворно-приветливый парень с газетой под мышкой? Или огромные небоскребы, устремленные решительно в небо, сетка загруженных улиц, пятна желтых такси в бесконечно унылой пробке? А как погода? Светит яркое солнце, загоняя прохожих в прохладную тень от деревьев, или уже кружится в медленном вальсе листва, покрывая ярким ковром тротуары? Так много вопросов. Прости…

А у меня… Да ты прекрасно все знаешь. Сама же смотрела каждое утро, как в доме напротив, в этой отвратительно-серой глыбе, вспыхивал свет на кухнях, как сонные люди, кто в чем попало: в халатах на голое тело, в трусах, сразу в костюмах, – готовили завтрак, читали газеты, странно плясали. Так ты смеялась задорно! Помнишь, как просила бинокль? А я только ворчал, прикрываясь чужой частной жизнью. Сейчас же купил… Но тебя рядом нет.

Дождь идет. Ужасно противный. Ты такой не любила. С ним пришел в город холод. Все потускнело, померкло, скрючилось. Люди оделись в плащи и куртки, раскрыли черные зонтики. По улицам теперь ходят тени.

Я, между прочим, занялся делом. Считаю машины, которые курсируют за нашим окном. На белом листе блокнота я расписал все модели, веду строгий учет. Ты бы гордилась. Правда, возникла проблема с обедом. Холодильник пустой. Буду свободен ночью, тогда все куплю. По твоему списку, который нашел в кармане пижамы.

Знаешь, мне кажется, я скоро сойду с ума. В квартире оглушительно тихо. Пустота обнимает предательски нежно. Забравшись с ногами на широкий подоконник, отчаянно пытаюсь согреться. Но чашка, в которую минуту назад налил кипяток, ледяная. Разве такое бывает? Еще мысли упрямо скребутся, неприятно шуршат, навязчиво пугают. Говорят, что ты не вернешься. Что за вздор!

Ведь это не ты хлопнула дверью, прокричав на прощание, как тебя все достало? Не ты собирала вещи, из шкафа сгребая все подряд, нервно заталкивая в чемоданы? Не ты металась по квартире раненым зверем, пытаясь понять, что дальше? Или же…

И все же, что у тебя за окном? Может, напишешь?

-17-

Здесь все по-другому. Как-то иначе. Не верится даже, что мир бывает таким необычным. Я вижу из окна зеленые шапки гор. Непроходимые джунгли. И море. Оно далеко, правда. Но мне достаточно знать, что, поймав у дороги такси, я через час буду бежать по песку, обжигаясь, навстречу прибою. Но если дождаться вечера, когда жаркое солнце наконец-то растает на горизонте, оставив в воде жирный след, на смену многоголосому шуму придет тишина. Не вязкая, словно трясина, а звонкая, сплетенная из полутонов разных звуков природы. Вокруг никого. Лишь километры опустевшего пляжа. И я. В обнимку с ворчливыми мыслями. Иногда с молчаливым тобой.

Но я для этого мира слишком другая. Чужая. Забытый случайно на улице экспонат одной из приезжих выставок. Всего-то с другого конца планеты, а чувствую, что из параллельной вселенной. Как всем объяснить, чтобы отстали, оставили в покое, перестали замечать? Каждый норовит подойти, потрогать, запечатлеть на камеру телефона. А я не люблю лишних касаний, мне неприятны слова на незнакомом языке на кончике указательного пальца, направленного прямо в лицо. Это ты мысленно мстишь? Не нужно, пойми. Я так от всего устала, сил почти нет.

Помню, как собирала тот чемодан. Как кричала. Как, не разбирая сквозь слезы дорогу, летела на бешеной скорости в аэропорт. Прошлое тогда рвалось по швам, расходилось в стороны зыбкими льдинами. И я на одной из них решила дрейфовать в полной неизвестности. Лишь бы не с тобой рядом! Упрямая.

Но знаешь, время не лечит. Оно издевается. Задает один и тот же вопрос, словно на допросе. Изо дня в день. Снова и снова. И вот я уже не уверена. Во всем. В твоем безучастном голосе, забросавшем меня упреками. В холодных прикосновениях, омерзительно-дежурных, не уютных, они будто бы предназначались вовсе не мне. В бесконечном молчании, заполнявшем нашу кухню вечерами под самый потолок, от которого мы задыхались. Может, я все выдумала? И марафонский забег через половину земного шара ошибка?

А у тебя за окном идет дождь. Я посмотрела погоду. Грустно, наверное, сидеть одному и смотреть в окна напротив. Если вдруг напишу, нежданно, посреди ночи, ты мне ответишь?

-18-

Море снова беспокоилось, билось волнами о причал, рассыпалось брызгами по сторонам, едва касаясь ее лица. Ветер, порывистый, противный, пронизывал до костей, терзал, мучил, сковывал своими ледяными прикосновениями, пробравшись под тонкое пальто. Она стояла, не шевелясь, уставившись в одну точку куда-то за горизонт. Словно чего-то ждала, будто с кем-то прощалась.

Он где-то далеко. За тысячу морских миль. Затерянный в бескрайних водах океана. Живущий в бесконечно длинных сообщениях, в голосе, записанном под крики чаек, в фотографиях-открытках, на которых был целый мир, но не вмещалась пока что она.

– Знаешь, как бывает? – спросила, обращаясь к непокорному морю. – Сначала пропадает мечтательная улыбка. Вечера становятся похожими, такими одинаково унылыми, мерзкими. Прямо до тошноты. Смотришь в окно, но замечаешь только смеющиеся пары, их ненавистно-довольные лица. И ведь это первая трещина, первая брешь в обороне…

Звонил телефон. Долго, требовательно. Она наконец-то взглянула на экран, сбросила вызов, на мгновение задумавшись. Не он. Другой… Во всем. Единственный в целом мире. Даже простое его «Я с тобой» в голове на повторе. Снова и снова. И бальзам, и яд для израненной души.

– А знаешь ли ты, как отдают сердце? – смахнув первую слезу, прошептала: – В одночасье, глядя в глаза, робко. Запинаясь. Или выпалив на одном дыхании. Но не думая, не ожидая, что поймут, примут. Просто надо сказать, надо отдать, что уже не твое. А оно не мое. И не того, кто в море…

Она ненавидела себя, вспоминая вечера, проведенные с другим. Его нежные руки и пьянящие поцелуи. Каждый раз старалась смыть его запах, оттереть жесткой мочалкой и тут же, опомнившись, подносила ладони к лицу, пытаясь отыскать сводящий с ума аромат. Находила, засыпала. Потом вздрагивала, вскакивала, в слезы бросалась, обзывая себя предательницей. К утру затихала, не решив ничего окончательно.

– Но лучше скажи мне, где та тонкая грань, за которой вдруг обрываются мысли и начинается холод? Расскажи, где заканчивается обещание и скрывается счастье? Сколько раз можно обмануть, чтобы не потерять дорогу к себе? – кричала она.

И вдруг замолчала. Стих ветер. Успокоилось море.

– Понимаешь, я люблю его. Люблю…

– Наверное.

-19-

Ты ненавидишь тишину. Она бывает невыносимо пронзительной. Тонкими иглами в самые нервы бьет. И ждет, наслаждаясь тем, как тебя выворачивает наизнанку потом.

Шорох шагов, вздох паркета под ними. Скрип часовых стрелок, перещёлкивание механизма внутри. Хрип, кашель. Тут же эхом по голым стенам, барабанной дробью в такт ударам сердца. Снова безмолвие. Вязкое, смирительной рубашкой обволакивающее. Неуютно. Тесно, душно. Невыносимо!

Спасение в бегстве. На какое-то время…

По-прежнему тихо, но ты знаешь, что спустя мгновение зажмуришься от удовольствия. От предвкушения по спине сползают мурашки. Это чертовски приятно, когда по телу разливается теплом сладостная дрожь. И вот уже она касается твоего слуха, проникает в мысли, завладевает разумом. Ты распят, раздет, беспомощен перед ней.

Каждый звук рисует в темноте тысячу дорог, нескончаемое количество ярких фрагментов жизни, перепутанных, смешанных. Быть может, даже не твоей. Или вовсе ничего такого не было, сплошные выдумки. Разве имеет значение? Сейчас, в этот самый момент, покачивая в такт головой, ты режиссер. И все теперь возможно. Стоит только поверить, улыбнуться, сделать шаг.

Музыка – неотъемлемая часть твоей жизни. Что бы ты ни делал, где бы ни был, она рядом. Будоражит, тревожит, успокаивает. Переплетает мысли, складывает слова, собирает по крупицам образы.

Только в нескончаемом потоке громыхающих вокруг звуков можно различить шепот собственного голоса. Отгородившись этой непробиваемой ширмой, ты находишь наконец-то покой.

-20-

Вселенная в своей эволюции стремится к усложнению. Все то, что помогает ей в этом, считается добром. Обратные же действия называются злом… Увы, не мои мысли. Данную формулировку хорошего и плохого дал герой одной очень популярной книги. Не могу сказать, что полностью согласен с ней, но однозначно в этом что-то есть. Очень близкое к реальной жизни.

Все знают стихотворение про кроху-сына? Про вечные и весьма непростые вопросы детской непосредственности. К сожалению, в памяти всплывают только первые строчки, и выводы приходится делать самому, исходя из собственного опыта. Но каждый раз, казалось бы, очевидные вещи ставят в тупик, ведь у любого действия куча оттенков.

Впрочем, к чему такие сложности, правда? Наша жизнь безумно многогранная, многократно усложненная житейским проблемами, научившая быть простыми.

Все элементарно. Хотите, расскажу? Это несложно: гуляя долгими вечерами, когда широкие проспекты вдруг вспыхивают яркими огнями, любоваться красотами города и не замечать вжимающихся в стены зданий нищих с протянутой рукой, замерзающих под так красиво падающий снег. Не трудно оставить у какого-нибудь мусорного бака верного друга, который в одночасье стал ненужным, потому что надоел, наскучил, порвал любимые тапочки от большой любви или оставил лужицу у входа, дожидаясь своего хозяина. Еще проще сказать «Прощай» и закрыть перед носом родных дверь, громко хлопнув ею. Ведь можно открыть другую, а потом еще одну, а может быть, их будет тысячи, этих самых дверей. И не важно, кто остался по ту сторону: друзья, родители или любимые. Когда все просто, лишние вопросы ни к чему.

Мы так сильно мучаемся от того, какой выбрать телефон, компьютер или машину, изучаем длинные списки характеристик, сравниваем бесчисленные параметры в поисках верного решения, что абсолютно истощаем себя перед действительно важными моментами, становясь чрезмерно простыми. Давайте усложнять там, где это по-настоящему нужно. Давайте быть добрыми. Расскажите еще раз о своих чувствах тем, кто с вами рядом. Почешите за ухом свою неугомонную живность. И не забудьте про десять рублей «на бухло» для бездомного. Мелочь же, а приятно. Вам, мне. Вселенной…

-21-

Мужчины устают. Ломаются. И даже иногда сдаются. Причем не обязательно должна случиться катастрофа вселенского масштаба. Хватит и порванного шнурка, чтобы потом вдруг зашвырнуть ботинок куда-нибудь высоко на шкаф, прокричав что-нибудь злое, хлопнуть дверью в комнату и пропасть в бесконечных складках одеяла в кровати на целый день, отключив телефон. Сущая мелочь выведет из равновесия и сломает систему, которая подобна карточному домику. Обратно сложить будет трудно. Практически невозможно. Но нужно.

Мужчины сильные. Иногда кажется, что им все под силу. И все нипочем. Стоят себе спокойно, курят, медленно пуская в небо причудливые кольца дыма, пока в могучую грудь бьются несчастья и несправедливости обыденной жизни. Бьются вдребезги. Хрустят под ногами при каждом шаге вперед. В то самое светлое будущее…

И тут этот шнурок, представляете? Всемирный финансовый кризис так не расстраивал. Сразу же открывается бутылка виски, найденная в самом дальнем углу под мойкой среди литровых банок от кабачковой икры. Пыльная, но целая. Со стенок в морозильной камере отламывается лед. Все по фэншую. Чтобы потом шотландский благородный напиток в чистом виде под сопливую мелодраму пошел в расход. Безжалостно, до самого рассвета.

Или, подождите, под ногами хрустит все же стекло? Винно-водочное. А отражение в зеркале совсем не напоминает супергероя. Какой-то небритый и нестриженый мужик, в растянутых спортивных штанах, испачканной чем-то жирным майке, чрезмерно оттопыренной в районе живота. Он долго чешет затылок, а потом, шаркая, идет на кухню есть приготовленный мамой завтрак…

Мужчины устают и очень часто ломаются. Это правда. Кто-то внутри, другие снаружи. Одни перетянут рану бинтом и снова на передовую. А кому-то и года мало, чтобы прийти в себя. По больницам да вязаным жилеткам ходят. А с виду-то все как на подбор. С первого взгляда и не отличишь, не скажешь, что к чему.

-22-

Вот интересно: мы сначала влюбляемся в человека, а потом обнаруживаем в нем качества, от которых мурашки по коже, или же все наоборот, эти самые черты характера или внешности настолько нас заводят, что в скором времени понимаем, что без их обладателя не представляем дальнейшую жизнь?

На часах давно за полночь. В комнате темно и тихо. Во всяком случае, я на это надеюсь, ведь яркость экрана ноутбука убавлена до минимального значения, да и музыка едва пульсирует в наушниках. Все равно поворачиваюсь и смотрю на нее. Непослушные волосы разметались по подушке, одеяло в надежном плену у ног. Спит, красавица.

Вечером она может уткнуться мне в бок и тихо засопеть. Но на вопрос, спит ли, всегда отвечает «Чуть-чуть», показывая соответствующий жест большим и указательным пальцами. Голос сонный, глаза закрыты. Но от себя никуда не отпускает, крепко обнимая. Когда она «чуть-чуть» голодна, прищуривается, если устала – подтверждает слова едва высунутым языком в правом уголке губ. Злится тоже «чуть-чуть», хмурясь и разговаривая сквозь зубы. Только вот для меня это уже не шутки. Это совсем не чуть-чуть. Это неожиданно обрушившееся цунами.

Еще она лучше всех улыбается. Хитрющей лисицей, только уголками губ, или же голливудской звездой во все тридцать два зуба. Бывает, она смотрит на меня глазами маленькой девочки, приготовившейся рассказать свой самый-самый сокровенный секрет. Руки убирает за спину, привстает на цыпочки. А потом целует в нос и быстро уходит, подмигнув напоследок. Мол, мучайся. И я мучаюсь. Гадаю о нерассказанной тайне.

Терпение не ее конек, особенно если речь идет о подарках. Можно смело за месяц до дня рождения говорить, чтобы вытаскивала из шкафа спрятанный сверток, красиво упакованный и перевязанный цветной лентой с огромным бантом. Она, конечно же, сморщит носик и скажет, что рано. Тут надо согласиться и дать уже ей помучиться, ведь на следующий день все равно подойдет и спросит, не обижусь ли я, если подарок вручит заранее. Я редко бываю против.

Она удивительно разная: кокетка в кедах, леди за рулем, соня в пижаме и чемпион по рукопашному бою с вытянутой и сжатой в хрупкий кулачок рукой. Но это я узнал уже со временем.

-23-

Утро отвратительно-серое. Промозглый ветер забирается под длинную куртку и мучает своими ледяными прикосновениями. На календаре какое-то число какого-то месяца. И понедельник, конечно же. Глаза чуть приоткрыты, мозг ещё спит. Поезд с невозмутимой скоростью несётся в осточертевшее настоящее, где ровно в девять прозвенит будильник, и начнётся унылая работа. Неважные встречи, кипы бесполезных бумажек, хмурые коллеги. Ты смотришь в окно, за которым мелькают окраины некогда любимого города, в который так стремился попасть, и тихо ненавидишь. Всё сразу: бессонную ночь, пьяные выходные, идеально выглаженный костюм, этот убогий красный корпоративный галстук, женщину, что напротив, жующую с самого утра вонючие чипсы. Всё твоё состояние толкает тебя только к одному – послать всё и всех далеко и надолго!

Бизнес-центр встречает тебя запахом свежесваренного кофе. Приятный аромат на мгновение тебя останавливает. Ты закрываешь глаза, глубоко вбираешь в легкие воздух и спустя какое-то время выдыхаешь. Вкуснотень!

Не сразу замечаешь и то, что картинка вдруг приобрела яркие цвета. Вокруг больше не серая посредственность, а люди, оказывается, умеют с утра улыбаться. Слышится смех, искренний, искрящийся. Уголки твоих губ непроизвольно тоже тянутся вверх. И в следующее мгновение ты тоже начинаешь смеяться над шуткой молодого бариста. После чего уже более бодрым голосом говоришь ему, что все, как обычно: капучино с коньячком, тёплый сэндвич с индейкой и ломоть хорошего настроения.

-24-

Санкт-Петербург. Вечер пятницы. Невский проспект заполнен машинами. В такси рядом с нами на заднем сиденье смеется девушка, на ней элегантное платье, бусы из белого жемчуга, миниатюрной ладошкой она изящно прикрывает рот. Мужчина во фраке с бабочкой держит бокал шампанского и что-то рассказывает с улыбкой на лице. Шутит, наверное. Счастливые. Спешат в театр, оперу или на закрытую вечеринку для своих. А я пытаюсь напиться. В одной руке открытая бутылка виски, в другой – одноразовый пластиковый стаканчик. В носу до сих пор стоит запах гари. Он пропитал всю одежду, просочился под кожу. Кажется, теперь от него никогда не избавиться, сколько не три руки мочалкой, не стирай вещи. Возвращаться в невероятно далекое утро мне не хотелось, но фрагменты случившегося сами тащили туда. Так тянет ко дну тяжелый камень, привязанный к ногам…

Сначала мне показалось, что запотело лобовое стекло. Мгновенно образовалась мутная пленка. Но чуть наклонившись вперед, я увидел, как из отверстий для воздуха на передней панели валит дым. Белый цвет сменился грязно-серым. К тому моменту, когда догадался заглянуть под капот, там уже пылало пламя. Оно распространялась катастрофически быстро. Яростно и весело. В голове же свирепствовала паника, топтала одну за другой появляющиеся мысли. Бежать? Тушить? Звать на помощь? В какой последовательности? Но ведь рядом другие машины! Значит надо уезжать.

В центре парковки горел ритуальный костер. Рядом валялись неработающие огнетушители. Стояли прохожие, снимающие пожар на камеры телефонов. Где-то вдалеке ревели сирены. Я сидел на бордюре, схватившись за голову, и молча смотрел, как огонь пожирает машину. Все мысли давно расплавились от жара. Внутри осталась лишь тупая безысходность.

Трудно в такие минуты оставаться философом, принимать стойко удары Судьбы. Говорят, если проблему нельзя решить, то и вовсе не стоит о ней думать. Бесполезно. Ведь что изменится? Время не повернуть вспять, прошлое не переписать. А что думала об этом пустая бутылка? Да ничего. Не быть ей сегодня со звоном разбитой, выброшенной на скорости из приоткрытого окна. Ведь если подумать, я потерял не так уж и много. Всего лишь вещь. Пускай и дорогую.

-25-

Идиотское состояние. Ощущение, будто организм в бесконечно беспробудном опьянении. И вся жизнь протекает в режиме автопилота. Круглосуточно, стабильно, тихо шурша смазанными детальками внутри приборной панельки, на которой иногда появляется улыбающийся смайлик или кривая раздражения.

А еще… Тоже бывает. Кто-то дергает меня за прогнившие от времени веревочки и водит по одному и тому же кругу изо дня в день. На работу и обратно домой. Потом щелкают ножницы (почему-то в этот момент выключается свет), и мои подневольные конечности покорно ложатся на кровать и в ужасе ждут (они или я???) следующего дня, когда с противным треньканьем будильника некто завяжет очередной узел где-то там, наверху, и поднимет меня в ненавистнейшее утро. Я все жду, когда материя истлеет до конца, но, видимо, этот самый конец будет один. Для всех.

Я сплю. Все время. Поэтому то, что меня окружает, – вымысел, дурацкий сон. На самом деле никого не существует. Это тени моих проекций. Предполагаемый сценарий еще не написанного будущего. Реальность же, наоборот, дает о себе знать только ночью, когда в полной темноте я иду к холодильнику за стаканом молока или открываю окно, чтобы впустить в квартиру свежий прохладный воздух и охладить разогретый за день мозг. Вот тогда-то я и понимаю, что что-то не так, но сделать ничего не могу. Грязно-серый потолок быстро исчезает в болезненной рези глаз, меркнет тусклый свет от уличного фонаря, и снова наступает сон…

Проснуться, почувствовать себя человеком, заново родиться в этом сумасшедшем мире. Но… видимо, еще не время.

-26-

Я видел, как жизнь покидает ИХ тела. ОНИ были похожи на песочные часы, из которых медленно-медленно высыпается что-то важное, оставляя сосуд пустым. Сразу и не понять, что происходит. Немного похудел, осунулся, пришла небрежность в одежде. Со всеми бывает, бешеный ритм мегаполисов пожирает и переваривает всех без разбору. Стрессы, депрессия – обычные явления, ставшие нормой, спасение от которых изувеченное сознание ищет в таблетках. Но ИХ выдают глаза. Да-да. Особенно, если вы наблюдаете за НИМИ каждый день. Вот индикатор опустошенности. Заряд падает с каждой минутой, и в какой-то момент вы понимаете, что перед вами больше не человек, а пустая оболочка, глаза потухли, перегорели, словно какая-то лампочка в ванной. Потом ОНИ и вовсе исчезают, иногда появляясь кривой тенью где-то на стене. На мгновение, и не различишь, действительно была тень или человек…

Я слышал, как мечты падают сбитыми самолетами на землю. ОНИ мне рассказывали. Истории – одна печальнее другой. И если вы не готовы, слушать их не стоит. Потому что иначе шагнете на дорожку, ведущую в страну, где лучшие уничтожают великое. Там все только и делают, что мечтательно смотрят на небо и машут поломанными крыльями, пытаясь оторваться от земли. А еще говорят о полете. О том незабываемом чувстве легкости, беспечности, и как восходящие горячие потоки воздуха поднимают все выше и выше. К звездам. Пока в лучах солнца не сгорают. Счастье не может быть вечным. Лишь немногим удалось остаться в небе, но ОНИ слишком высоко, чтобы рассказать секрет.

Я думал, что всё это сказки. Устремляясь с балкона вниз, каждый раз, расправляя крылья, поднимался в небо. Радовался и улыбался такому теплому и нежному солнцу, купаясь в его лучах. Пока не рухнул в один прекрасный момент сам. Я видел, как с каждым днем тускнеют глаза. Пытаясь расправить крылья, я слышал скрежет за спиной,. Я знал, что умираю… Потому что этот серый безликий город, пристанище разбитых душ, никогда не вернет былого чувств. Потому что небо над головой затянуто грозовыми тучами, и слишком страшно рискнуть и преодолеть эту черную полосу. Потому что с каждым прыжком становится все меньше и меньше сил. Потому что трудно подняться одному…

-27-

Говорят, надо учиться на чужих ошибках. Но чаще жизненно важные вещи оставляют след в нашем сознании только через трудности, пройденные нами осторожным шагом, легкомысленной поступью или даже безудержным галопом. Через кровь и пот. Тяжело дыша, с трясущимися руками, в прилипающей к телу мокрой футболке. Но обязательно с улыбкой на лице. Это знамя победы на жизненном пути.

Иногда бывает тяжело. Настолько, что хочется опустить руки и забыть о мечте. Но поступив так, понимаешь, что лучше не станет, нулевая отметка вернется, объявят фальстарт, дисквалифицируют. Отступиться – хуже проигрыша. Потому что мы никогда не узнаем, что было бы, если бы… Ведь прийти последним – это тоже результат, это начало работы над ошибками, чтобы в следующий раз услышать, как боек пистолета бьет по капсюлю, раньше твоих соперников. Секунды стоят дорого, а вовремя сделанный шаг – бесценен.

Тогда я лез практически по отвесной стене каньона, цепляясь за редкие кустики, ломая ногти и царапая в кровь пальцы и ладони, скользил по гладкому склону кедами, убивая их глиной. Внизу мне казалось, что я все делаю правильно. Выход есть, всегда, из любой ситуации, даже самой безнадежной. Нужно лишь приложить некоторые усилия. Забраться на самый верх и продолжить свой путь, не отступая, испугавшись преграды, – вот чего мне хотелось. Я ведь упрямый, значит смогу. Но ухватившись за последний выступ и подтянувшись… Встретил тупик.

Наверху было красиво. Порывистый ветер трепал волосы, сушил капельки пота на лбу. В узкую долину загадочной Каппадокии ворвалось солнце, разогнав тени по углам. Яркими красками загорелись высокие каменные изваяния причудливых форм. Дыхание перехватило, сердце остановилось, не смея нарушить своим стуком тишину вокруг. Сказка? Лучше!

Я сидел на узком гребне каменистого выступа. По обе стороны – бездна. Под ногами – тьма. В порванных грязных джинсах, испачканной глиной куртке, с разбитыми в кровь руками. Но это… Это мелочи. Незначительные, несущественные, никчемные. Все эти мелочи стоили тех мгновений, что я провел наверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.